

ИРИНА СЕРАФИМОВНА УРМАНЧЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Института гуманитарных наук
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-6376-1059; isurman@rambler.ru

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИЩЕРПАНИЕМ (на примере печорской фразеологии)

А н н о т а ц и я . Рассматриваются фразеологические единицы говоров Низовой Печоры, основанные на процедуре псевдоисчерпания и построенные по фразеологической модели, включающей союз *ни... ни*. Ставится цель выявить типы отношений между компонентами в сочинительных конструкциях с отрицанием, что должно способствовать экспликации семантических, лингвокультурологических, художественных особенностей идиом (гипотеза). В качестве материала к исследованию привлекаются фразеологизмы, зафиксированные на территории распространения печорских говоров (Усть-Цилемский район Республики Коми Российской Федерации), которые рассматриваются в сопоставлении с общерусскими и диалектными фраземами. Источниками материала послужили фразеологические, в том числе региональные, словари. В результате анализа печорских конструкций с псевдоисчерпанием было установлено, что компоненты этих оборотов вступают в разнообразные парадигматические отношения – антонимические и синонимические, гипонимические и партитивные, ситуативные и ассоциативные. Фразеологизмы с компонентами-экстремумами и синонимами обладают высокой степенью прогнозируемости состава идиомы. Спорадический выбор компонентов присущ оборотам с компонентами, находящимися в тематически близких отношениях. Анализ конструкций с псевдоисчерпанием как одним из способов идиоматического кодирования смысла позволяет реконструировать отдельные фрагменты диалектной и – шире – общерусской картины мира, раскрыть творческий потенциал русского народа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, сочинительные конструкции с отрицанием, псевдоисчерпание, парадигматические отношения

Д л я ц и т и р о в а н и я : Урманчеева И. С. Парадигматические отношения компонентов в конструкциях с псевдоисчерпанием (на примере печорской фразеологии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 7. С. 62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.681

ВВЕДЕНИЕ

Псевдоисчерпание – это перечисление отдельных элементов общего множества, создающее иллюзию представленности всех элементов множества. При этом выбор репрезентанта семантического объединения может быть закономерным или случайным, а сами элементы могут обладать разной конкурирующей способностью на фоне всех представителей множества. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский относят псевдоисчерпание к видам переинтерпретации. Переинтерпретация, в свою очередь, является составляющей категории идиоматичности¹, к базовым идеям (факторам) которой, наряду с переинтерпретацией, относятся непрозрачность и усложнение способа указания на денотат [2: 30–50]. Процедура псевдоисчерпания успешно реализу-

ется фразеологическими единицами, включающими союз *ни... ни*.

Фразеологизмы, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами, исследованы в научной литературе в разных аспектах, например в морфолого-синтаксическом [14], лингвокультурологическом [11], сопоставительном [7]. Довольно подробно рассмотрены вопросы семантико-грамматической классификации и компонентного состава подобных конструкций [20], [21], [23], стратегий номинации [3], моделирования семантики и вариантов фразеологизации [1]. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский рассматривают конструкции с сочинительными союзами типа *ни сват ни брат, ни кола ни двора* как метонимические модели, основанные на псевдоисчерпании [4: 24], исследование в их работах

проводится на базе общерусского фразеологического фонда.

В настоящей статье объектом изучения являются фразеологические единицы (ФЕ)² говоров Низовой (Нижней) Печоры, представляющие собой сочинительные конструкции с союзом *ни... ни*, основанные на псевдоисчерпании. Они относятся к фразеологическим моделям, состоящим из постоянных и переменных компонентов. Постоянными компонентами являются сочинительные союзы *ни... ни*; переменные компоненты регулярно заполняются в этих оборотах определенным лексическим материалом [14: 26]. Общее описание сочинительных конструкций с отрицанием представлено в статье автора «Фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, в говорах Низовой Печоры»³. В указанной работе конструкции с псевдоисчерпанием охарактеризованы с разных точек зрения: структуры и семантики, механизмов реализации процедуры псевдоисчерпания как вида переинтерпретации, художественных особенностей идиом. Печорские обороты рассмотрены на фоне общерусского фразеологического фонда, в отдельных случаях печорские фразеологизмы сравниваются с выражениями других говоров, в основном территориально близких. В настоящей статье более глубокому анализу будет подвергнут компонентный состав печорских сочинительных конструкций с псевдоисчерпанием. Выявление типа парадигматических отношений между компонентами фразеологизма сопряжено с экспликацией семантико-когнитивных и художественно-организационных особенностей подобных конструкций. Все рассмотренные в статье печорские фразеологические единицы зафиксированы во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н. А. Ставшина)⁴, преимущественно во втором томе. Ссылки на этот словарь в большинстве случаев не приводятся.

Фразеология печорских говоров в настоящей статье не описывается, так как задачи исследования не требуют детального освещения этого вопроса. С литературой по этой проблеме можно ознакомиться в работах автора (см., например: [18], [19]) и других ученых ([9], [13]).

Н. М. Шанский отмечает, что слова, которые объединяются в конструкциях с сочинительными союзами в целую единицу, выступают или как синонимичные, или как антонимичные [22: 83]. Ма Цзя считает, что во фразеобразовательной модели, действующей по формуле «ни А ни Б», «А» и «Б» есть полярные понятия (например, *ни рыба ни мясо*, *ни дать ни взять*,

ни свет ни тьма и др.). Эта же модель, по мнению ученого, может включать синонимичные окказиональные компоненты (например, *ни складу ни ладу*, *ни охнуть ни вздохнуть* и др.) [14: 26]. Однако анализ диалектных фразеологизмов показал, что компоненты конструкций с псевдоисчерпанием могут находиться в разных парадигматических отношениях, – антонимических, синонимических, гипонимических и др. Структурно-парадигматический аспект лексического значения характеризует нелинейные отношения знаков, образующих определенный класс взаимосвязанных и противопоставленных лексических единиц [16: 455], которые в составе фразеологизма подвергаются полной или частичной десемантизации. Рассмотрим подробнее компонентный состав фразем.

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ

Кодируемая семантическая сфера может обозначаться двумя крайними точками – экстремумами [2: 41]. В лексическом плане это языковые или контекстуальные **антонимы**, образующие фразеологизированные антитезы, которые «характеризуются не столько противопоставленностью лексических значений компонентов, сколько их внутренним смысловым единством» [1: 181]. На **языковых антонимах** строятся такие печорские идиомы, как *ни дня ни ночи не знать*, *ни сзади ни спереди*, *ни встретить ни проститься*, *ни добром ни лихом*.

Понятия *день* и *ночь* кажутся исчерпывающими, а антонимы, их передающие, комплементарными. Но, по мнению многих ученых, концептам времени суток присуща нечеткость и противоречивость. *День* по-русски означает промежуток времени с неотчетливыми границами: не с самого *утра*, но до наступления *вечера* [8: 64]. Концепт русского языка не разлагается полностью на составляющие его более узкие по объему концепты, он включает в себя понятие *утро* и частично *вечер*, но при этом сохраняет свою собственную незаменимость: с 13 до 16 – это только *день*, иначе это время не может быть названо [12: 198]. То есть между *днем* и *ночью* есть не вполне четкое, размытое понятие *вечер*, а после *ночи* (особенно летом в северных широтах) следует не *день*, а *утро*. Но при процедуре псевдоисчерпания вся эта размытость семантики нивелируется, в составе идиомы лексемы *день*, *ночь* выступают как максимально противоположные. В печорском фразеологизме *ни дня ни ночи не знать* ‘беспрерывно мучиться’ временные

отрезки, заполняющие семантическую область *сутки*, обобщенно-метонимически обозначают все то, что человек не замечает во время мучительных страданий.

Компоненты-антонимы в составе конструкций с псевдоисчерпанием могут подвергаться разной степени десемантизации. Например, фразема *ни сзади ни спереди* характеризует, с одной стороны, худую, плоскогрудую женщину, с другой – женщину, не имеющую детей и мужа. Адвербиальные компоненты способствуют формированию конкретной и отвлеченной семантики. Причем при реализации значения ‘худая, плоскогрудая женщина’ наречия *сзади* и *спереди* выполняют эвфемистическую функцию, маскируя детали внешности, делающие фигуру женщины особенно привлекательной. Но это далеко не полный перечень женских внешних признаков. При реализации абстрактной семантики ‘о женщине, не имеющей детей и мужа’ адвербиальные компоненты ФЕ *ни сзади ни спереди* выполняют символическую функцию, метафорически описывая ситуацию одиночества.

Устойчивое выражение *ни встретит ни проститься* ‘ничего не уметь сделать правильно, как полагается’ основано на неточных антонимах. В «Словаре антонимов русского языка» (САРЯ) М. Р. Львова зафиксирована пара *встретиться – проститься*⁵. Идиома описывает сценарий встречи гостей, поэтому включает возвратный и невозвратный глагольные компоненты, называющие начальный и завершающий этапы приема гостей.

Конструкции, основанные на языковых антонимах, могут включать в свой состав компоненты, которые в литературном языке квалифицируются как устарелые или просторечные: *ни добром ни лихом не сговорить* ‘никакими средствами не договориться с кем-то’, где *лихо* (устар. и прост.) ‘зло’⁶. В словаре антонимов пара *добро – лихо* отсутствует. Во «Фразеологическом словаре русских говоров Республики Коми»⁷ И. А. Кобелевой зафиксирован вариант *ни добро ни лихо*⁸.

Тематически близкие компоненты ФЕ в конструкциях с псевдоисчерпанием могут восприниматься как антонимы, то есть вступать в отношения противоположности только в пределах устойчивого оборота: *ни на ноги ногавки ни на руки рукавки, ни туши ни рожки, ни дома ни на поле, ни в работе ни в гульбе, ни в сусеке ни в мешке, ни костей ни вестей*.

Компоненты *ноги – руки* языковыми антонимами не являются. Согласно САРЯ слово *ноги* вступает в антонимические отношения со сло-

вом *голова*⁹, а слово *руки* вообще антонимов не имеет. В трехчастном внешнем и внутреннем атласе тела соматизмы *руки* и *ноги* занимают не противоположные ярусы этой конструкции, а срединный и нижний [6: 117–118]. И тем не менее в печорском фразеологизме *ни на ноги ногавки, ни на руки рукавки* ‘у кого-либо нет ничего, даже самого необходимого’ эти компоненты воспринимаются как антонимичные благодаря конструкции псевдоисчерпания, которая позволяет не перечислять все части человеческого тела, а упоминать только взаимосвязанные (объединяющим семантическим стержнем в данном случае является сема ‘конечности’). Компоненты *ногавки* и *рукавки* как самостоятельные слова в печорских говорах не зафиксированы (в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» (СРГНП) они отсутствуют). В архангельских и вологодских говорах *рукавки* означает ‘рукавицы’¹⁰, в говорах Карелии – ‘рукавицы, сшитые из рукава шубы’¹¹. У слова *ногавки* в СРНГ зафиксировано шесть значений¹². Однако в составе фразеологизма компоненты *ногавки* и *рукавки* могут быть окказиональными, не имеющими конкретного значения за пределами ФЕ и реализующими обобщенную семантику ‘вещь, надеваемая на определенную часть тела’, поскольку при процедуре псевдоисчерпания важен факт упоминания некоторых членов неназванного множества. Вся конструкция строится на редупликации, что дополнительно подтверждает окказиональность однокоренных компонентов.

Во фразеологизме *ни туши ни рожки* ‘о совсем непривлекательной, некрасивой женщине’ тело как нижняя часть человека условно противопоставляется верхней части, голове. В отличие от литературного языка, где компоненты *туша, рожка* стилистически и экспрессивно окрашены¹³, в печорских говорах, по всей видимости, они употребляются как нейтральные языковые единицы (ср.: *туша* – ‘тело, туловище человека и животного’: «Он дербиловатой, а у неё фигура да туша баска»¹⁴, *рожа* – ‘лицо’: «Ты вешь на рожа молодая», «Раньше рожой звали, нынче лицё»¹⁵).

Противоположность компонентов наблюдается в печорских оборотах, которые характеризуют поведение, деятельность человека. В ФЕ *ни дома ни на поле* ‘нигде (кто-либо не хочет работать)’ компонент *на поле* символически противопоставлен компоненту *дома* и называет любую домашнюю работу. Фразеологизм *ни в работе ни в гульбе* ‘кто-либо ни в чем не способен себя проявить’ условно делит жизнь человека на труд и отдых, при этом упоминаются далеко не единственные проявления этих состояний.

Во фразеологизме *ни в сусеке ни в мешке* 'нигде ничего нет' перечисляются возможные хранилища для зерна, псевдо-противопоставленные по принципу «статичность – динамичность». А в идиоме *ни костей ни вестей* 'ничего не известно о ком-нибудь, нет ни письма, ни извещения о смерти' компоненты *вести* и *кости* символизируют *жизнь* и *смерть*.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ

Псевдоисчерпание осложняется плеоназмом во фразеологизмах с компонентами-**синонимами** и **семантически близкими словами**, например: *ни дела ни работы* 'о бездельном времяпрепровождении', 'о невозможности работать из-за кого-то или чего-то'.оборот *ни складу ни ладу* 'невозможно с кем-нибудь договориться' («Да с *Никифоровной* ни складу ни ладу») является семантическим вариантом общерусского выражения, так как в говорах Низовой Печоры употребляется с иным, по сравнению с литературным языком, значением: общерус. *ни складу ни ладу* 'никакого порядка; нет логики, связи, стройности'¹⁶.

Один из компонентов-синонимов в составе сочинительных конструкций с отрицанием может употребляться в переносном смысле (*ни шуму ни грому* 'кто-либо ведет себя тихо, спокойно, никого не беспокоит', где *гром* – 'сильный шум'¹⁷) или в устаревшем / областном значении (*ни письма ни грамотки* 'нет никаких известий от кого-либо', где *грамота* – устар. 'письмо, пожелание'¹⁸; *ни скота ни живота* 'нет своего хозяйства', где *живот* – устар. 'домашний скот'¹⁹, печор. 'сельскохозяйственное животное'²⁰; *ни вести ни павести* 'нет никаких известий о ком-либо', где *павест* – волог., арх., печор., мурман. и др. 'известие, молва, слух'²¹).

Диалектными могут быть оба синонимичных компонента ФЕ: *ни в тешках ни в бажках* 'не быть избалованным семьей или жизнью'. Компоненты *тешка*, *бажка* в значении 'забота, уход, любовь', по данным СРГНП, употребляются только в составе идиом²². Во фразеологизме *ни спыху (сдоху) ни отдоху* 'нет никакого отдыха' и 'нет покоя от кого-нибудь' все компоненты являются локализмами: *спых* < *спыхнуть* 'сделать вдох'²³, *отдох* 'прекращение занятий, работы для восстановления сил'²⁴. Лексема *сдох* в СРГНП не зафиксирована, но в печорских говорах употребляется глагол *сдыхать* со значением 'дышать'²⁵. Возможно, *сдох* либо словообразовательный диалектизм (ср. лите-рат. *вздох*), либо трансформированный для эв-

фонической стройности идиомы дериват глагола *сдыхать*, либо контаминация лексем *вздох* и *сдыхать*. Не являясь узуальными синонимами, компоненты *спых* / *сдох* и *отдох* семантически сближаются в составе идиомы для реализации общего смысла 'покой, передышка'.

В некоторых конструкциях с псевдоисчерпанием отрицанию подвергаются компоненты, представляющие собой одно целое. О крайней нищете, отсутствии самого необходимого в говорах Низовой Печоры скажут *ни рубахи ни перемывахи*. *Рубаха* – 'женская длинная холщовая рубашка с рукавами, надеваемая под сарафан', *рубаха-перемываха* – 'одна-единственная рубашка', *рубаха да перемываха* – 'одна пара рубашек, которые носят на смену'²⁶. В сочинительной конструкции с отрицанием наблюдается семантическое дробление денотата, усиливающее экспрессивный эффект.

Смысловая избыточность поддерживается введением в состав фразеологизма семантически близких, иногда окказиональных компонентов, которые обладают сходством звучания, рифмуются: *ни выходных ни проходных, ни вести ни павести, ни рубахи ни перемывахи, ни сдоху ни отдоху*.

Подтверждением узуальности оборотов, помимо фиксации в словарях, является их употребление в других говорах. Например, ФЕ *ни скота ни живота* употребляется также в говорах Прикамья²⁷, сибирских говорах²⁸. Фразеологизм *ни письма ни грамотки* в варианте *ни письма ни грамоты* зафиксирован в волгоградских, донских диалектах²⁹ и говорах Карелии³⁰.оборот *ни вести ни павести* 'нет никаких известий о ком-либо' в этом же значении употребляется в говорах Мурманской, Ленинградской, Костромской областей, Пермского, Красноярского края и др.³¹

ГИПОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ

Для реализации процедуры псевдоисчерпания оптимально подходят компоненты-**согипонимы**, то есть слова, находящиеся в **гипонимических** (видовых) отношениях и связанные интегральной семой. Подобные слова образуют незамкнутое семантическое множество, все члены которого не могут быть перечислены в одной идиоме: *ни за грош ни за копейку; ни прясть, ни ткать, ни вязь вязать; ни мучицы ни крупичи; ни здрасти ни прости; ни а ни бэ (не знать)*. Выбор компонента в таком случае кажется случайным (ср., например, ФЕ *ни здрасти ни прости* (неодобр.)

‘о невежливом, неприветливом человеке’), но подобное объяснение, очевидно, не всегда оправданно.

Так, во фразеологизме *ни за грош ни за копейку* ‘ни за какие деньги’ компоненты *грош* и *копейка* находятся в гипонимических отношениях, соотносясь с гиперонимом *денежная единица*, видовыми представителями которого могут быть любые наименования денежных средств, однако в идиоме используются именно эти компоненты. По наблюдениям лингвокультурологов, *грош* обретает во фразеологизмах роль эталона минимальной ценности, с помощью которого «измеряются» свойства различных предметов и явлений³². Лингвокультурема *копейка* часто характеризует тяжелое финансовое состояние, а также имеет отношение к созданию капитала, накопительству [5: 127]. В печорском фразеологизме компоненты *грош* и *копейка* выступают как эталоны денег вообще, ср.: «Да я их девку ни за грош ни за копейку в жёны не возьму».

Символическим воплощением продуктов питания являются компоненты фразеологизма *ни мучицы ни крупы* ‘нет никакого продовольствия’. Компоненты объединяются интегральной семьей ‘вещество, получаемое в результате обработки зерна’, но называют разную степень дробления злаковых, которые относились к трудно добываемому, поэтому наиболее почитаемому виду пищи. Этот признак был переосмыслен в категориях ценности, что обусловило вовлечение хлеба в процесс его одухотворения и сакрализации [10: 271].

Во фразеологизме *ни а ни бэ (не знать)* смысл ‘неграмотный, необразованный’, ‘непонятливый, бестолковый’ выражается не компонентами-экстремумами, но и не абсолютно случайными названиями букв, а первыми наименованиями, которые символизируют азбуку, письмо, грамоту в целом.

В трехчастной идиоме *ни прясть, ни ткать, ни вязьё вязать* ‘о девушке, не приученной ни к какой женской работе, любящей только развлекаться’ перечисляются женские, традиционные для крестьянской семьи занятия, связанные только с изготовлением одежды, текстиля.

ИННЫЕ ВИДЫ ОТНОШЕНИЙ КОМПОНЕНТОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПСЕВДОИСЧЕРПАНИЕМ

Компонентами конструкций с псевдоисчерпанием могут быть слова, находящиеся в **ситуативных, ассоциативных** отношениях, принадлежащие одной семантической области: *ни присесть ни поесть* ‘в доме нет ни мебели, ни пищи’, *ни послать ни помочь* ‘о никчемном человеке, от ко-

торого нет никакой помощи’, *ни пару ни жару* ‘о недостаточно горячей печи, бане’, *ни в сноп ни в горсть* ‘о ком-либо невыразительном, безликом, неинтересном ни в каком отношении’, ‘о том, кто крайне недобросовестно работает’ (отметим, что в значении ‘ничего не делать, бездельничать’ ФЕ *ни в сноп ни в горсть* употребляется в говорах Свердловской области³³). В многозначном фразеологизме *ни туесу ни губ* для выражения смысла ‘нет самого необходимого’, ‘нет средств’, ‘нет толку, пользы’ употребляются тематически связанные диалектные слова *туес* ‘берестяной сосуд цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой’³⁴ и *губы* ‘грибы’³⁵. Ср.: «*Ни туесу ни губ, даже ведра в доме нету, только по людям ходят*»; «*О, ни туесу ни губ нету, а они новый дом хотят*»; «*Учи его, учи, а ни туесу ни губ нету*» (в говорах Прикамья у этого фразеологизма фиксируется только одно значение, совпадающее с печорским, – ‘о ком-либо, о чем-либо, не приносящем пользы’³⁶).

Единичными примерами в говорах Низовой Печоры представлены фразеологизмы с компонентами, находящимися в **партитивных (ни гробу ни могилы)** ‘об умершем человеке, чье тело не захоронено’, *ни пены ни пузыря* ‘нет никаких следов чьего-то присутствия’, *ни куста ни листа* ‘никакой растительности’, *ни куста ни листа (не знать)* ‘совсем не знать данной местности’) и **паронимических** отношениях (*ни одеть ни надеть* ‘нет никакой одежды’). Подобным оборотам присуща смысловая избыточность, плеонастичность. Добавим, что ФЕ *ни гробу ни могилы* в говорах Прикамья используется как пожелание неудачи, несчастья, всего самого плохого³⁷, а оборот *ни пены ни пузыря* в разных вариантах (*ни пены (пенки) ни пузыря (пузырей, пузырьев)*) зафиксирован в пермских, сибирских говорах³⁸.

Нередко установить, в каких именно парадигматических отношениях находятся компоненты конструкций с псевдоисчерпанием, невозможно из-за непрозрачности компонентного состава: *ни течи ни речи, ни с краю ни с берегу, ни ося ни орю, ни корки ни макорки, ни аз ни баз (не знать)*.

Можно предположить, что в печорском обороте *ни течи ни речи* ‘от кого-то нет ни помощи, ни совета’ слова-компоненты семантически сближаются. Слово *течь* в СРГНП не зафиксировано. «Словарь русских народных говоров» приводит четыре омонима с лексемой *течь*, из которых логике печорского оборота соответствует архангельское слово *течь* со значением ‘голос, способность к пению’ (употребляется в составе фразеологизма *течи нет*)³⁹. У слова *речь* в говорах

Низовой Печоры фиксируется значение 'слово'⁴⁰. Вероятно, оба компонента обозначают речевую способность человека, создавая в конструкции с псевдоисчерпанием смысловую избыточность.

Во фразеологизме *ни с краю ни с берегу* 'непонятно, бестолково, нелогично (говорить)' установить парадигматические отношения компонентов еще сложнее. *Край* в печорских говорах означает 'начало'⁴¹. Ни диалектное, ни общерусское значение слова *край* 'предельная линия, предельная часть чего-нибудь' не объясняет логику объединения его со словом *берег* для выражения семантики неупорядоченного изложения информации.

Абсолютная компонентная непрозрачность, полная десемантизация компонентов наблюдается в печорских оборотах *ни осю ни орю* 'совсем ничего (не знать, не понимать)', *ни корки ни макорки* 'нет ничего съестного'. Можно предположить, что компонент *орю* – форма глагола *орать* 'пахать'⁴², а компонент *макорка* – фонетический вариант со смычным согласным слова *махорка*, но лексикографические источники не помогают прояснить ситуацию, поэтому такое предположение должно остаться на уровне гипотезы до появления новых данных. Оправданной в отношении подобных оборотов могла показаться версия об их окказиональности, речевой обусловленности. Но, например, ФЕ *ни аз ни баз (не знать)* зафиксирована не только в Усть-Цилемском районе, на территории которого распространены говоры Нижней Печоры (север Республики Коми)⁴³, но и в Усть-Вымском районе – территории распространения русских говоров бассейна Нижней Вычегды (юго-запад Республики Коми)⁴⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ печорских фразеологических единиц, основанных на процедуре псевдоисчерпания, позволил установить разнообразные парадигматические отношения компонентов двух- или трехчастных конструкций с отрицанием: антонимические, синонимические, гипонимические, ситуативные, ассоциативные, паритивные, паронимические. При этом процедура псевдоисчерпания далеко не всегда реализуется компонентами, находящимися в парадигматических отношениях. Бинарная модель с отрицанием может включать целые сценарии (скрипты): *ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед; ни пером писать, ни топором чесать; ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны*⁴⁵. Не исключены также дизъюнктивные отношения компонентов (*ни с краю ни с берегу, ни осю ни орю*) во многом за счет непрозрачных и окказиональных компонентов.

Процедура псевдоисчерпания предполагает спорадический выбор лексических элементов для вербализации концепта. Например, семантическая идея 'неумелый, никчемный, ни к чему не приспособленный человек' выражается неоднородными лексемами, находящимися в различных парадигматических отношениях (*ни встретить ни проститься, ни дома ни на поле, ни в работе ни в гульбе, ни послать ни помочь*). В двухчастной (реже трехчастной) конструкции все элементы, представляющие определенную семантическую область, не могут быть перечислены. Парадигматика лексем способствует логической организации фразеологизма и прогнозируемости его компонентного состава. Оптимально этим задачам отвечают компоненты-экстремумы ввиду их очевидной противопоставленности и минимального объема парадигмы. Компоненты-синонимы тоже успешно реализуют процедуру псевдоисчерпания вследствие незамкнутости структуры синонимического ряда, который может включать слова в прямых и переносных значениях, областные и устаревшие лексемы. В конструкциях с компонентами-синонимами всегда наблюдается смысловая избыточность, повышающая интенсивность и экспрессивность фраземы.

Парадигматическая детерминированность компонентного состава фразеологизмов не единственный фактор, объясняющий выбор того или иного компонента. Немаловажную роль в создании сочинительных конструкций с отрицанием, как и многих других фразеологических единиц, играют художественные приемы повышения выразительности фраземы, такие как антитеза (*ни добром ни лихом; ни сзади ни спереди*), редупликация (*ни на ноги ногавки ни на руки рукавки; ни прясть, ни ткать, ни вязать вязать*), паронимасия и ритмико-рифмическая организация (*ни костей ни вестей; ни сдоху ни отдоху; ни рубахи ни перемывахи; ни корки ни макорки* и др.).

В заключение отметим, что некоторые из проанализированных фразеологизмов в разных формальных и семантических вариантах употребляются в других говорах, не только печорских⁴⁶. При процедуре псевдоисчерпания та или иная семантическая идея вербализуется отдельными компонентами, которые создают иллюзию представленности всех членов семантического множества. Поэтому в русских диалектах возникают фраземы, в которых используются разные лексемы-представители этого множества – в каждом говоре свои.

Парадигматическая взаимообусловленность компонентов фразеологических единиц с союзом *ни... ни* является одним из немаловажных условий реализации процедуры псевдоисчерпания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Категория идиоматичности и термин *идиоматичность* широко освещены в научной литературе (см., например: [15], [17], [24], [25]).
- ² В настоящей работе термины *фразеологическая единица (ФЕ)*, *фразеологизм*, *фразема*, *устойчивый оборот* употребляются как взаимозаменяемые, синонимичные. Автор статьи придерживается широкого взгляда на фразеологический состав языка.
- ³ Статья автора «Фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, в говорах Низовой Печоры» принята к публикации в журнале «Вестник Томского государственного университета. Филология» 05.11.2020.
- ⁴ Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2 т. / Сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008 (далее – ФСРГНП).
- ⁵ Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. С. 97, 501 (далее – САРЯ).
- ⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. С. 322 (далее – СОШ).
- ⁷ Печорские говоры распространены на территории Усть-Цилемского района Республики Коми.
- ⁸ Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. С. 73 (далее – ФСРГРК).
- ⁹ САРЯ. С. 535.
- ¹⁰ Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2002. Вып. 35. С. 247 (далее – СРНГ).
- ¹¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1994–2002. Т. 5. С. 579 (далее – СРГК).
- ¹² См.: СРНГ. Вып. 21. С. 265.
- ¹³ СОШ. С. 671, 806.
- ¹⁴ Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. Т. II. С. 365 (далее – СРГНП).
- ¹⁵ Там же. Т. II. С. 228.
- ¹⁶ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. С. 621 (далее – ФСРЛЯ).
- ¹⁷ СОШ. С. 142.
- ¹⁸ Федоров А. И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка. М.: Восток-Запад, 2012. С. 178.
- ¹⁹ Там же. С. 222.
- ²⁰ СРГНП. Т. I. С. 207.
- ²¹ СРНГ. Вып. 25. С. 108.
- ²² СРГНП. Т. II. С. 348.
- ²³ Там же. Т. II. С. 308.
- ²⁴ Там же. Т. I. С. 539.
- ²⁵ Там же. Т. II. С. 260.
- ²⁶ Там же. Т. II. С. 233.
- ²⁷ Прокошева К. Н. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь, 1972. С. 32 (далее – МФС).
- ²⁸ Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1977. С. 128.
- ²⁹ Словарь русских донских говоров: В 3 т. Ростов н/Д, 1975–1976. Т. 3. С. 13.
- ³⁰ СРГК. Т. 4. С. 521.
- ³¹ СРНГ. Вып. 25. С. 108.
- ³² Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 158.
- ³³ СРНГ. Вып. 21. С. 213.
- ³⁴ СРГНП. Т. II. С. 362.
- ³⁵ Там же. Т. I. С. 161.
- ³⁶ МФС. С. 102.
- ³⁷ Там же. С. 28.
- ³⁸ СРНГ. Вып. 25. С. 336.
- ³⁹ Там же. Вып. 44. С. 111.
- ⁴⁰ СРГНП. Т. II. С. 221.
- ⁴¹ Там же. Т. I. С. 346.
- ⁴² Там же. Т. I. С. 529.
- ⁴³ ФСРГНП. Т. II. С. 108.
- ⁴⁴ ФСРГРК. С. 15.
- ⁴⁵ Объектом исследования в настоящей статье подобные обороты не были, они рассмотрены в другой работе автора, см. примеч. 3.
- ⁴⁶ Например, ФЕ *ни туши ни рожки* зафиксирована в русских говорах Прилузья (юг Республики Коми), а также в варианте *ни из туши ни из рожки* ‘кто-либо не выделяется ни ростом, ни красотой’ – в пермских говорах. Оборот *ни шуму ни грому* ‘очень тихо, спокойно’ существует в архангельских и сибирских говорах. ФЕ *ни день ни ночь* в значении ‘никогда’ употребляется в сибирских говорах, в которых также зафиксирован оборот *ни дома ни на поле*, реализующий семантику, идентичную значению печорского выражения, – ‘о неумелом, ленивом человеке’. В разных вариантах употребляются ФЕ, которые можно соотнести с печор. *ни дела ни работы*: смол. *ни дела ни обмора*, пск. *ни дела ни полдела* и арх. *ни дела ни путя* имеют значение ‘о чем-либо бездействии, безделье’, последний оборот в волгоградских и донских говорах имеет значение ‘никакой пользы, никакого толку от кого-, чего-либо’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Ни два ни полтора: семантика неопределенности в русской идиоматике // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 32–45.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. М.: РУДН, 2008. 336 с.
6. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
7. Ермакова Е. Н., Хлызова Т. Н. Фразеобразующая функция компонентов не / ни в составе английских фразеологизмов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 11. С. 265–272.
8. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Время суток и виды деятельности // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 57–65.
9. Кобелева И. А. Фразеология русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1999. 84 с.
10. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.
11. Ковшова М. Л. Ни кола ни двора: образ бездомного в русском фольклоре и фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 208–220.
12. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011. 350 с.
13. Ли А. Д. Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 1992. 106 с.
14. Ма Ц. Современная русская фразеологическая модель типа «ни А ни Б» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2. С. 26–28.
15. Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73–79.
16. Новиков Л. А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001. 672 с.
17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
18. Урманчеева И. С. Расширенный компонентный состав как проявление конструктивной вариантности фразеологизмов (на примере печорских и общерусских оборотов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 43–52.
19. Урманчеева И. С. Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариантности печорских и общерусских фразеологизмов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 125–134.
20. Хлызова Т. Н. Фразеологизмы с компонентами НЕ и НИ в современном русском языке: семантический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 3. С. 369–377.
21. Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства именных фразеологизмов. Челябинск: ЧГПИ, 1983. 93 с.
22. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.
23. Шумилов Н. Ф. Именные фразеологические единицы с сочиненными компонентами // Русский язык в школе. 1981. № 3. С. 99.
24. Makkaï A. Idiomaticity as a language universal // J. H. Greenberg (Ed.). Universals of human language. Stanford, 1978. P. 401–448.
25. Weinreich U. Problems in the analysis of idioms // J. Puhvel (Ed.). Substance and structure of language. Berkeley; Los Angeles, 1969. P. 23–81.

Поступила в редакцию 02.12.2020; принята к публикации 30.07.2021

Original article

Irina S. Urmanceeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6376-1059; isurman@rambler.ru

PARADIGMATIC RELATIONS BETWEEN COMPONENTS IN CONSTRUCTIONS WITH PSEUDO-EXHAUSTION (through the example of Pechora phraseology)

Abstract. The article addresses the phraseological units of the Local Pechora dialects based on the pseudo-exhaustion procedure and built on the phraseological model with the conjunction *ni... ni* (*neither... nor*). The purpose is to identify the types of relationships between components in negative coordinate constructions, which is hypothesized to

contribute to the explication of semantic, linguocultural and artistic features of idioms. The research material comprises idioms recorded in the territory of the Pechora dialects distribution (Ust-Tsilemsky District of the Komi Republic of the Russian Federation) and derived from phraseological dictionaries, including the regional ones. The studied expressions are investigated in comparison with common Russian and dialect phrasemes. The analysis of the Pechora constructions with pseudo-exhaustion leads to the conclusion that their components form various paradigmatic relations – antonymic or synonymic, hyponymic or partitive, situational or associative. Phraseological units with extreme components and synonyms have a high degree of idiom composition predictability. Sporadic selection of components is inherent in the constructions with components that are closely related thematically. The analysis of structures with pseudo-exhaustion as one of the ways for the idiomatic coding of meaning enables us to reconstruct individual fragments of the regional and nationwide picture of the world, and to reveal the creative potential of the Russian people.

Key words: dialects of Local (Lower) Pechora, Pechora phraseology, negative coordinating constructions, pseudo-exhaustion, paradigmatic relations

For citation: Urmanceeva, I. S. Paradigmatic relations between components in constructions with pseudo-exhaustion (through the example of Pechora phraseology). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(7): 62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.681

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F., Semenenko, N. N. Phraseology and paremiology. Moscow, 2009. 344 p. (In Russ.)
2. Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. Aspects of the theory of phraseology. Moscow, 2008. 656 p. (In Russ.)
3. Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. *Ni dva ni poltora*: semantics of indefiniteness in Russian idioms. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2016;2(32):32–45. (In Russ.)
4. Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. Principles of semantic description of phraseology. *Topics in the Study of Language*. 2009;6:21–34. (In Russ.)
5. Vorobyev, V. V. Linguoculturology: Monograph. Moscow, 2008. 336 p. (In Russ.)
6. Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. Corporal code of the Russian culture: Materials for a dictionary. Moscow, 2007. 288 p. (In Russ.)
7. Ermakova, E. N., Khlyzova, T. N. Phrase-forming function of the components *ne/ni* and *not/no* in the Russian and English phraseological units. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2012;11:265–272. (In Russ.)
8. Zaliznyak, A. A., Shmelev, A. D. Time of day and types of activities. *Constants and variables of the Russian-language picture of the world*. Moscow, 2012. P. 57–65. (In Russ.)
9. Kobeleva, I. A. Phraseology of Russian dialects of the Komi Republic. Syktyvkar, 1999. 84 p. (In Russ.)
10. Kovshova, M. L. Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture. Moscow, 2012. 456 p. (In Russ.)
11. Kovshova, M. L. *Ni kola ni dvora*: the image of the homeless in Russian folklore and phraseology. *Cultural layers in phraseologisms and discursive practices*. (V. N. Telia, Ed.). Moscow, 2004. P. 208–220. (In Russ.)
12. Kornilov, O. A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. Moscow, 2011. 350 p. (In Russ.)
13. Li, A. D. Russian dialects of the Komi Republic. Syktyvkar, 1992. 106 p. (In Russ.)
14. Ma, J. Modern Russian phraseological model “neither A nor B”. *Tomsk State University Journal*. 2012;2:26–28. (In Russ.)
15. Mel'chuk, I. A. The terms “sustainability” and “idiomaticity”. *Topics in the Study of Language*. 1960;4:73–79. (In Russ.)
16. Novikov, L. A. Selected works. Vol. I. Problems of linguistic meaning. Moscow, 2001. 672 p. (In Russ.)
17. Telia, V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.)
18. Urmanceeva, I. S. Expanded component structure as manifestation of constructive alternativeness of phraseological units (on example of Pechora and all-Russian expressions). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018;17(9):43–52. (In Russ.)
19. Urmanceeva, I. S. Rhythm and rhyme organization as manifestation of constructural variability of Pechora and all-Russian phraseological units. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017;50:125–134. (In Russ.)
20. Khlyzova, T. N. Phraseological units with *ne* and *ni* components in modern Russian: semantic aspect. *South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin*. 2012;3:369–377. (In Russ.)
21. Chepasova, A. M. Semantic and grammatical properties of nominal phraseologisms. Chelyabinsk, 1983. 93 p. (In Russ.)
22. Shanskiy, N. M. Phraseology of the modern Russian language. Moscow, 1985. 160 p. (In Russ.)
23. Shumilov, N. F. Nominal phraseological units with composed components. *Russian Language at School*. 1981;3:99. (In Russ.)
24. Makkai, A. Idiomaticity as a language universal. *Universals of human language*. (J. H. Greenberg, Ed.). Stanford, 1978. P. 401–448.
25. Weinreich, U. Problems in the analysis of idioms. *Substance and structure of language*. (J. Puhvel, Ed.). Berkeley; Los Angeles, 1969. P. 23–81.

Received: 2 December, 2020; accepted: 30 July, 2021